

„ESEŢIALUL ESTE VIAŢA, NUMAI VIAŢA...”

LIMBAJELE SACRULUI ÎN SPIRITUALITATEA ORTODOXĂ RUSĂ: PAVEL FLORENSKI

Adriana CÎTEIA*

Limbajul ca modalitate de soluționare a problemelor filosofice prin clarificarea a ceea ce este inteligibil capătă în sistemul filosofic creștin un rol fundamental: acela de a aborda și clarifica ceea ce nu este inteligibil, ceea ce nu este direct cognoscibil, ceea ce nu poate fi definit decât apofatic. Idealul său este omniefabilitatea¹.

Filosofia creștină nu prezintă lucrurile așa cum sunt, ci așa cum ar trebui să fie, sau cum vor fi. Perspectiva eshatologică a determinat o îmbogățire gradată a limbajului de factură dogmatică, prin apariția unor termeni valabili doar în afara contextului cronologic convențional. Limbajul apocaliptic, limbajul Parousiei este destinat unei noi comunități, în care granița dintre divin și uman a fost abolită. Dogmatica creștină a impus un standard absolut după care pot fi validate sau invalidate anumite concepte.

Funcționarea limbajului creștin, ca de altfel a oricărui limbaj, depinde de o structură logică subiacentă. Construcțiile specifice exprimă forme de viață, contexte istorice. Limbajul devine astfel o activitate socială, practică². Limbajul creștin are sens în anumite contexte sociale și practice. De exemplu, limbajul dogmatic, desprins din contextul polemic al secolelor IV-VII, analizat independent de problemele care frământau deopotrivă atât „partida” niceeană cât și pe cea eretică, ar friza ilogicul. De asemenea, limbajul cu caracter administrativ ar părea, independent de evoluția raporturilor Stat-Biserică o simplă extensie a textului neotestamentar. Aceeași observație este valabilă și pentru enunțurile performativ – simbolice, care nu au valoare decât în contextul liturgic creștin.

Ceea ce aduce nou filosofia creștină este abordarea gnoseologiei cu ajutorul limbajului mistic.

* Lect.univ.dr., Facultatea de Istorie și Științe Politice, Universitatea „Ovidius” Constanța.

¹ U. Eco, *În căutarea limbii perfecte*, Editura Polirom, Iași, 2002, p. 25.

² G. Lăzăroiu, *Gândire, limbaj, realitate*, Editura Cartea Universitară, București, 2002, p. 22.

Vocabularul creștin nu poate fi abordat de pe poziții finitiste. Lucrurile inexprimabile (contactul cu realitatea ultimă, experiența mistică) au determinat apariția continuă a unor nivele superioare de exprimare, nivele care pot apărea *ad infinitum*.

Limbajul trebuie să atribuie evenimentelor valoarea reală, în contextul lor original. Limbajul creștin restructurează, reconstruiește evenimentele. În orice univers teist, obiectivitatea este posibilă, deoarece fiecare fapt este raportat la Dumnezeu, fiecare afirmație poartă un sens divin, și are un scop eshatologic bine definit.

În încercarea de teodicee ortodoxă a lui *Pavel Florenski*, limbajele sacralului sunt rezultatul unui efort proodic, de scindare a lumii spirituale în atributele sale, scindare căreia îi corespunde următoarea succesiune:

- **limbajul divin**, simbolic, accesibil tuturor popoarelor, indiferent de nivelul de instituționalizare al creștinismului,
- **limbajul sacru**, care ia naștere din simbolistica arhitecturii și picturii, și care este un limbaj iconografic, și
- **limbajul profan** ca expresie materială a simbolurilor³.

Limbajul sacru este o formă de ontofanie, iar simbolismul cromatic, una dintre expresiile apofatismului creștin.

Pentru *Paul Evdokimov*, limbajul creștin corespunde treptelor de maturizare spirituală a comunității creștine și a omului creștin care evoluează în context teonomic⁴. Sensul maturizării este spre eshatologic, scopul limbajului creștin fiind acela de a traduce în termeni accesibili omului creștin dimensiunile Parusiei.

La Pavel Florenski, asumarea dimensiunilor apofatice ale limbajului creștin are drept consecință refugiul într-un limbaj matematic menit să explice aparentele iraționalități dogmatice, legate de Sfânta Treime și de unicitatea esenței divine triplu manifestate, de infinitul divin, cu ajutorul matematicii transfinitelelor cantoriene, și a geometriei neeuclidiene a lui Lobacevsky. Paralela dintre teoria cantoriană a șirurilor și puterea actual-infinită a lui Dumnezeu revoluționează și actualizează conceptul de kratofanie- manifestarea puterii lui Dumnezeu în creație⁵. Perspectiva cantoriană poate fi adecvată la limbajul teologic: lumea este o succesiune de transfinite derivate dintr-un $\alpha 0$, după legi date, fără a-i modifica acesteia proprietățile⁶. În teoria lui Benoit, toate sistemele

³ Pavel Florensky, *Stâlpul și temelie Adevărului. Încercare de teodicee ortodoxă în douăsprezece scrisori*, Editura Polirom, Iași, 1999, p. 343.

⁴ Paul Evdokimov, *Vârstele vieții spirituale*, București, 1993, p. 58.

⁵ Pavel Florensky, *op. cit.*, p. 309-320.

⁶ Dumitru Popescu (coord.), *Știință și teologie*, București, 2001, p. 107-122; Solas Boncompagni, *Lumea simbolurilor. Numere, litere și figuri geometrice*, Editura Humanitas, București, 2003, p. 17-38; Ioan Petru Culianu, *Jocurile Minții. Istoria ideilor, teoria culturii, epistemologie*, Editura Polirom, Iași, 2002, p. 349-355; Matila C. Ghyka, *Filosofia și mistica numărului*, Editura Univers Enciclopedic, București, 1998, p. 119-138.

ramificate la infinit după reguli de bază sunt definite drept fractali⁷; de exemplu, gândurile din spațiul conștiinței pot produce la nesfârșit texte prin utilizarea fractalului lingvistic. Istoria este un sistem complex de fractali în mișcare continuă, printr-un număr de dimensiuni care oferă posibilități infinite de combinație⁸. Spațiul matematic al cărui număr de dimensiuni este infinit se numește „spațiu Hilbert”. Parafrazându-l pe matematicianul Rudy Rucker⁹, istoria creștinismului nu este decât un fractal în spațiul Hilbert. Definiția poate părea generală și lipsită de orice urmă de spirit practic. Dar este o alternativă la abordarea cronologic-istorică, o alternativă care permite anamneza, reactualizarea continuă a unor fenomene, înțelegerea lor mereu la un alt nivel, care este atât de necesară în abordarea creștinismului, abordare care trebuie realizată mereu dintr-un sistem de referință nou. Geniul lui Florenski se manifestă la limita dintre matematică și dogmă, limită care își demonstrează fragilitatea. Limbajul matematic este asimilat limbajului divin, în încercarea de a forța limitele apofaticului, și de a consolida temelia adevărului creștin. Florenski nu acceptă rolul tăcerii, de prag între posibilitățile de cunoaștere ale ființei umane, și cunoașterea lui Dumnezeu, și propune un nivel de cunoaștere matematică a lui Dumnezeu, unic în spiritualitatea ortodoxă. Pragul tăcerii, în fața căruia s-a oprit mistica creștină anterioară secolului al XIX-lea, este depășit prin adaptarea noțiunilor matematice la „axiomele” ortodoxiei. Identitatea creștină este îmbogățită cu o dimensiune nouă, cea matematică. În filozofia religioasă românească, singurul sistem de gândire comparabil cu cel al lui Florensky ar fi al lui Lucian Blaga¹⁰.

Viziunea lui Florenski asupra lumii rămâne însă profund atașată gândirii medievale rusești. Raportul dintre lume și Logos, dintre entropic și ektropic se definește în contextul generos al luptei cu moartea¹¹.

Un loc special în opera lui Florenski îl ocupă gândirea sofianică. Termenul *Sophia*, de origine veterotestamentară¹² a fost interpretat de literatura patristică și dogmatică în legătură cu cel de-al doilea *ipostas* divin¹³, Iisus Christos Înțelepciunea lui Dumnezeu¹⁴. Fundamentată pe *Romani* 5,5; 8, 22, *Sofia* este definită de Florenski ca „rațiune formatoare în raport cu făptura... conținut formator al Dumnezeului – Rațiune”. Sinonimia între *ontos-funțare* și *gnosiscunoaștere* conferă gnoseologiei teologice o dimensiune nouă, și resemnifică

⁷ Aurel Codoban, *Sacru și ontofanie, pentru o nouă filosofie a religiilor*, Editura Polirom, Iași, 1998, p. 27-49; Nicu Gavriluță, *Fractalii și timpul social*, Editura Dacia, Cluj Napoca, 2003, p. 13-24.

⁸ I. P. Culianu, *op. cit.*, p. 289.

⁹ R. Rucker, *Mind Tools: The Five Levels of Mathematical Reality*, Boston, 1987.

¹⁰ *Eonul dogmatic, Experimentul și spiritul matematic*, etc.

¹¹ Ioan I. Ică, *Studiu introductiv*, în *Stâlpul și Temelia Adevărului*, p. XIX.

¹² Proverbe, 9, 1-9.

¹³ 1 Corinteni 1, 24.

¹⁴ <http://ecumenizm.tripod.com/ECUMENISM/id17.html>.

implicit raportul dintre ființă și timp¹⁵. Citând opera mistică a lui M.M. Speranski, Florenski definește cunoașterea sofianică drept atribut al Tatălui și Fiului, oglinda în care se reflectă slava divină¹⁶. *Sofia* capătă un aspect *homoousianic*, în ipostaza sa de gând veșnic al lui Dumnezeu¹⁷. Alături de neognosticismul existențialist al lui N. Berdiaev și sofologia lui Bulgakov, ideile sofianice ale lui Florenski au fost catalogate nu de puține ori drept eretice¹⁸. Este suficientă însă o lectură atentă a Scrisorii a III-a din Stâlpul și Temelia Adevărului¹⁹, pentru a-i înțelege profundul atașament față de dogmatica ortodoxă în sensul său original, postnicean.

Scrisoarea a III-a, *Unitatea Trinitară* reia analiza celor doi termeni fundamentali în dogmatica ortodoxă – *ousia* și *hipostasis*, esențiali în contextul polemicii hristologice, precum și în procesul de definire axiomatică a gândirii antinomice creștine, a cărei „sămânță” este „numele unic al celor trei ipostasuri”²⁰. La întreg instrumentarul terminologic și dogmatic, conturat în aproape două milenii de creștinism, Pavel Florenski adaugă drept auxiliar fundamental - necesar în înțelegerea conceptelor de consubstanțialitate, deoființime, energie divină, modelul matematic cantorian al șirurilor transfinite menit să argumenteze cu mijloacele matematicii neeuclidiene caracterul ineputabil al esenței și energiilor divine.

În anul 1933, teologul, filozoful, preotul ortodox, și matematicianul Pavel Florenski a fost condamnat de regimul bolșevic la zece ani de muncă silnică. Patru ani mai târziu, a fost executat prin împușcare. S-a adăugat astfel unei vieți de o profundă și greu egalabilă spiritualitate ultima coordonată necesară – aceea a martiriului.

¹⁵ Pavel Florenski, *op. cit.*, p. 208-209.

¹⁶ *Ibidem*, p. 210-214.

¹⁷ Ioan I. Ică, , în *op. cit.*, p. XLIV.

¹⁸ Serafim Sobolev, *The defense of the Heresy of Sophianism by Protopriest S. Bulgakov in the Face of the Bishops Council of the Russian Church Abroad*, Sofia, p. 9 și urm.

¹⁹ P. Florenski, *op. cit.*, p. 39-43.

²⁰ *Ibidem*, p. 41.

СВЯЩЕННЫЙ ЯЗЫК В РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ СВЯЩЕННЫЕ ДУХОВНОСТИ: ПАВЕЛ ФЛОРЕНСКИЙ

Адриана КЫТЕЯ

Язык, как средство решения философских проблем для разъяснения известного, приобретает в философской системе получает фундаментальную роль: рассмотреть и уточнить то, что не понятно; то, что не познаваемо непосредственно, что не может быть определено, лишь арифметик.

Христианская философия не представляет вещи такими, как они есть, а такими, как они должны быть или будут в будущем. Перспектива эсхатологии определила постепенное обогащение языка догматической фактуры появлением некоторых терминов, приемленных лишь в не условного хронологического контекста. Язык Пароусии, язык Апокалипсиса предназначен новому сообществу, в котором граница между божественным и человеческим была упразднена. Христианская догматика требовала абсолютного стандарта, по которому некоторые концепции могут быть или не быть признами действительными.

Функциональность христианского языка, как и других языков, зависит от логической, структуры. Специфические структуры выражают жизненные формы, исторические контексты. Так, язык становится практической, социальной деятельностью. Христианский язык имеет смысл в определенных социальных и практических контекстах. Например, догматический язык, вырванный из полемического контекста IV-VII веков, проанализированный независимо от проблем, которые волновали как сторонников Нитше, так и сторону еретиков, были бы на грани с нелогическим. Также и язык административного характера, взятый вне независимости от развития отношений государство-церковь, казался бы простым разъяснением новозаветного Текста. Такое же замечание действительно и для символических утверждений, имеющих ценность только в христианском литургическом (богослужебном) контексте.

То новое, что приносит христианская философия, это затрагивание проблемы познания при помощи мистического языка. Христианская лексика не может быть затронута с позиции конечности. Вещи, которые не могут быть выражены (контракт с последней действительностью, мистические опыты)-определили постоянное появление более высоких уровней выражения, которые могут появляться

бесконечно.

Язык должен придавать событиям реальную оценку в их первоначальном контексте. Христианский язык перестраивает, реконструирует события. В любом мире, верующем в Бога, объективность возможна потому, что каждое событие имеет отношение к Богу, каждое утверждение несёт в себе божественные мысли и имеет четко определенные эсхатологические цели.

В попытке православной «theodicy» Павла Флоренского священные языки являются результатом проодического усилия разделения духовного мира по своим качествам, разделения, которому соответствует следующая последовательность:

- божественный язык-символический, доступный для всех народов, независимо от уровня институционализации Христианства;
- священный язык-который рождается из символов архитектуры и живописи и который является иконографическим языком;
- непосвященный язык-как материальное выражение символов.

Божественный язык является формой онтофании (религиозного события), а хроматический символизм это одно из выражений христианского апофатизма.

Для Павла Евдокимова православный христианский язык соответствует этапам духовного созревания христианской общины и человека-христианина, которые развиваются в нравственно-духовном контексте. Смыслом созревания является эсхатология, а целью христианского языка является перевод доступными для христианина словами масштабов Парусии.

У Павла Флоренского принятие апофатического масштаба христианского языка имеет следствие и уход в математический язык, предназначенный для того, чтобы объяснить кажущиеся догматические иррациональности, связанные со Святой Троицей, с уникальной божественной сущностью тройственного проявления и с божественной бесконечностью, используя математику канторианских трансфинитов и неевклидовой геометрии Лобачевского. Параллель между теорией последовательностей Кантора и современно-бесконечной силой Бога революционизирует и актуализирует понятие-кратофания-проявление силы Бога в создании. Канторианская перспектива может соответствовать теологическому языку: мир это непрерывный ряд бесконечностей, берущих начало из α_0 , согласно данному закону, без изменения его свойств. По теории Бенуа все системы, разветвленные до бесконечности, определяются как фракталы, например, мысли в поле создания могут бесконечно производить тексты, используя лингвистические фракталы. История - это сложная система фракталов в постоянном движении которые, посредством количества масштабов, делают возможным бесконечное количество комбинаций. Математическое поле, которого

безконечно, называется „пространство Hilbert(a)”. Перефразируя Rudy Ruckera, можно сказать: история христианства-не что иное, как фрактор в пространстве Hulberta. Определение может показаться общим и лишенным малейшего практического духа. Но все же это альтернатива для того, что касается историко-хронологического, альтернатива, которая позволяет анамнез, постоянное обновление некоторых явлений понимание их на постоянно, другом уровне, которое очень важное для христианства и которое должно происходить постоянно в системе новых отношений.

Гений Флоренского проявляется на грани математикой и догмой, граница, которая демонстрирует хрупкость. Математический язык уподобляется божественному языку в попытке преодолеть апофактические границы и укрепить основы христианской истины. Флоренский не допускает роли молчания, как порога между возможностями познания человека и познания Бога и предлагает математический уровень познания Бога, единственного в православной духовности. Порог молчания, перед которым остановилась христианская мистика, предшествующая XIX веку, теперь перейдем с помощью применения математических понятий к "аксиомам" православие. Христианская идентичность обогащена новыми математическими масштабами. В румынской религиозной философии единственная система мышления, сравнимая с системой Флоренского, может быть только Luciana Vlaga.

Взгляды Флоренского о мире остаются глубоко привержены русскому средневековому мышлению. Соотношение между миром и словом, между энтропик и эктропик, определяется в контексте битвы со смертью.

Особое место в сочинениях Флоренского занимает софианское мышление. Термин *Sophia*, ветеротестаментарного происхождения, был интерпретирован (растолкован) в патристической и догматической литературе в связи со второй небесной ипостасью Иисуса Христа-мудрость Бога. София определена Флоренским, как формирующий разум по отношению к созиданию, то есть, формирующая суть Бога-разум. Синонимия между *Ontos*-существование и *gnosis*- познание предлагает теологическому познанию новые масштабы и означает соотношение между существом и временем. Прочитав мистические произведения М.М. Сперанского, Флоренский определяет софианское познание, как свойство Отца и Сына, как зеркало, в котором отражается божественная слава. София получает *homoousianic* вид, как вечная мысль Бога. Вместе с экзистенциальным гнозстицизмом Н. Бердяева и софиологией Булгакова, софианские идеи Флоренского много раз были признаны еретическими. Достаточно внимательно прочитать III е письмо из „Столп и Основа Истины” чтобы понять глубокое привязание Флоренским православной догматики в своем оригинальном смысле постНитше.

Ш ье письмо „Единство Троицы” возвращается к анализу, основных в православной догматике, терминов -ousia и hipostasis-важных в христианской полемике также, как и в процессе аксиоматического определения антонимического христианского мышления, „семя” которого это „единственные имена трёх ипостасей». Ко всему терминологическому и догматическому инструментарию, создававшемуся в течение почти 2х тысячелетий, П. Флоренский добавил фундаментально необходимое дополнение для понимания концепций консубстанциальности; деофиинцизма; божественной энергии; математическую, канторианскую модель бесконечных последовательностей, которая должна обосновать, с помощью неевклидовых математических средств, неисчерпаемый характер божественной сути и энергии.

В 1933 году теолог, философ, православный священник и математик Павел Флоренский, был осуждён и приговорен большевистским режимом к 10 годам каторжных работ. Спустя 4 года, он был расстрелян, прибавив, таким образом, с трудносравнимой и глубоко духовной жизни, последний, необходимый штрих-мученика.